

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К БОЛГАРСКОМУ УДАРЕНИЮ

ФРЕДЕРИК КОРТЛАНДТ

1. В 1959-ом году советский лингвист Л. А. Булаховский опубликовал статью под этим же заглавием.¹ Два года спустя появилось более сжатое изложение его взглядов в другом месте.² В настоящей статье я не буду обсуждать все вопросы, затронутые Булаховским, и ограничусь акцентуацией членной формы существительного и связанной с ней проблематикой.

За последнюю четверть века исследование исторической славянской акцентологии прошло замечательный путь развития. Огромный вклад в прогресс наших знаний об истории славянских акцентуационных систем внесли в особенности работы норвежского профессора Хр. Станга и советского ученого В. А. Дыбо.³ Последний из упомянутых авторов опубликовал ряд статей, в которых рассматривается вопрос о возможности использования данных из среднеболгарских текстов для реконструкции праславянской акцентуационной системы.⁴ В настоящей статье я буду придерживаться предложенной Стангом и принятой Дыбо классификации акцентуационных парадигм: А. неподвижное ударение на основе с акутовой интонацией подударного слога, В. ударение на окончании, чередующееся с новоаккутовым акцентом на предшествующем слоге, С. подвижный акцент с циркумфлексовой интонацией на начальном слоге в одних формах и конечным ударением в других.

2. Двусложные существительные среднего рода на -о с исходной акутовой интонацией корневого слога (тип А) сохраняют в членных формах болгарского языка то же место ударения, которое принадлежит им в нечленных формах: *шѣло, шѣлото, чѣдо, чѣдото, рѣло, рѣлото*. Двусложные существительные этого же класса с былой циркумфлексовой интонацией корневого слога (тип С) в членной форме получают ударение на гласном перед членом. В ряде говоров и в литературном языке ударение болгарских членных форм распространилось и на нечленные: *месѡ, месѡто, тестѡ, тестѡто, сенѡ, сенѡто*.

У имен мужского рода литературный язык сохраняет древнее различие между типами А, с неподвижным ударением на акутированном слоге корня, и С, с ударением переносящимся в членной форме с циркумфлектированного слога корня на гласный звук члена: *брѣтът, бѣкътъ, гѣдѣтъ, прѣгѣтъ, свѣтътъ, долѣтъ, носѣтъ, роѣтъ, родѣтъ, ледѣтъ, медѣтъ, бегѣтъ, векѣтъ, видѣтъ, вѣкътъ, гладѣтъ, гласѣтъ, гредѣтъ, гзрѣтъ, зверѣтъ*.

¹ Булаховский 1959. Настоящая работа является расширенным текстом моего доклада на I-ом конгрессе по болгаристике в Софии, май 1981 г.

² Булаховский 1961.

³ Станг 1957, Дыбо 1962, 1968а, 1979, 1980, Кортландт 1978.

⁴ Дыбо 1968б, 1969, 1971а, 1971б, 1973, 1977.

Третья категория, отражающая зависимость места ударения от былой интонации корневого слога, — формы множественного числа имен существительных мужского рода на *-ове*. При былой акутовой интонации корневого слога (тип *A*) ударение является неподвижным: *идове*, *клинове*, *сватове*. При былой циркумфлексовой интонации (тип *C*) в членных формах ударение переносится на гласный перед членом: *-ове́те*. В настоящее время и в этих формах в литературном языке наблюдается распространение перенесенного ударения, первоначально возникшего в членных формах, на нечленные: *брегове́*, *векове́*, *гласове́*, *духове́*, *класове́*, *звукове́*, *цветове́*, *врагове́*, *родове́*, *рогове́*, *ледове́*. Среди диалектных фактов обращает на себя внимание широкая распространенность различия ударения между нечленными и членными формами этого типа: *градове*, *градове́те*, *вратове*, *вратове́те*, *мехове*, *мехове́те*.

Четвертой категорией, отражающей в членных формах передвижение ударения с корневого гласного, являются в болгарском языке потомки *ь*-основ. В единственном числе ударение переносится на гласный члена *-та*, а во множественном числе на гласный флексии *-и* перед членом. Современные факты уже представляют выравненными древнейшие отношения, без различия былых интонаций корневого слога: *костта́*, *костите́*, *смъртта́*, *смъртите́*, *властта́*, *гърдите́*. Передвижение ударения на гласный члена *-та* обобщилось и у всех слов на *-ость*: *милостта́*, *радостта́*.

В праславянском языке циркумфлектированные долготы в трехсложных и многосложных словах сократились, как это вытекает из данных сербского языка: *срѣце* (ст. -сл. *сръдыце*), *брашно* (укр. *борошно*), *синови* (ст.-сл. *сыннове*).⁵ Закономерное для словенского языка перенесение ударения с рефлексов былых циркумфлектированных долгот на следующий слог показывает, что циркумфлексивный характер начального слога трехсложных слов продолжал отличаться от рефлексов акутированных гласных: *srcê*, *brašnô*, *sinôvi*. Болгарские факты подтверждают показания словенского языка: *сърцето*, *брашното*, *синовете*.

3. У имен существительных мужского рода праславянский окситонный тип *B* с краткостным гласным корня в единственном числе совпал с типом *A*, характеризующимся в членной форме неподвижностью ударения, а во множественном числе сохранил древнее ударение: *во́лът*, *воло́ве*, *но́жът*, *но́жове*, *пѣнѣтъ*, *пѣнове*, *сто́лът*, *сто́лове*. Праславянский окситонный тип *B* с долготным корневым гласным теперь не отличается от типа *C* с подвижным ударением, переносящимся в членной форме единственного числа на гласный члена *-тъ*, а в форме множественного числа на конечный гласный окончания *-ове*: *трехѣтъ*, *трехове́*, *делѣтъ*, *делове́*, *лекѣтъ*, *лекове́*. Как отмечал Булаховский, этот факт легче всего понять, допустив, что окситонный тип с долготным гласным корня уподобился типу с циркумфлектированным корневым гласным. Уподобление могло произойти в период утраты интонационных различий по признаку долготы корневого гласного в обоих типах.⁶ Его предположение поддерживает гипотезу, высказанную мною ранее в другом месте, что сокращение циркумфлектированных долгот распространилось с севера славянского языкового ареала на южные диалекты распадающегося общеславянского языка.⁷

⁵ Ср. Кортландт 1975: 33.

⁶ Булаховский 1959: 15 и 1961: 245.

⁷ Кортландт 1975: 33.

В литературном языке, как и в говорах, некоторое количество имен существительных среднего рода, по происхождению являющихся *o*-основами типа *B*, сохранило в нечленных и членных формах свое древнее конечное ударение: *весло(то)*, *ведро(то)*, *седло(то)*, *крило(то)*, *число(то)*, *влакно(то)*, *стбло(то)*, *сткло(то)*. Но вместе с тем есть несколько старых окситонных слов этого рода, которые в нечленной и членной формах выступают с ударением, отодвинувшимся на слог назад: *вино(то)*, *мякно(то)*, *село(то)*, *гумно(то)*, *сукно(то)*, *дно(то)*. В некоторых словах литературное ударение колеблется, например *чело* и *чело*. Несомненно, случаи этого рода следует относить на счет фонетической рецессии ударения с конечных слогов. Это предположение поддерживается акцентуацией трехсложных былых окситонных слов *вретено* и *решето*, которые теперь имеют ударение на предпоследнем слоге. Так как сербский и словенский языки указывают на то же бывшее место ударения, что и русский, следует полагать, что изменение совершилось на самой болгарской почве.

4. Приведенные здесь факты позволяют мне сформулировать следующую гипотезу: на раннем этапе развития болгарского языка ударение оттянулось с конечного открытого слога на предшествующий открытый слог. Этим у имен женского рода типа *C* былых *ь*-основ объясняется разница между передвижением ударения на гласный члена в единственном числе и на гласный перед членом во множественном числе, например *костта*, *костите*. В соответствии с выдвинутой здесь гипотезой, ударение, перенесенное первоначально на гласный звук члена как в единственном, так и во множественном числе, впоследствии оттянулось на предшествующий слог в случае множественного числа, где нечленная форма оканчивалась на открытый слог, но не оттянулось в единственном числе, где предшествующий слог был закрытый. Этим же объясняется передвижение ударения при былой циркумфлексовой интонации на гласный перед членом у существительных среднего рода на *-o* и в формах множественного числа существительных мужского рода на *-ове*, например *месото*, *тестото*, *сеидто*, *градовете*, *вратовете*, *меховете*.

Согласно данной формулировке ударение оттянулось на предшествующий открытый слог в существительных среднего рода окситонного типа *B*: *вино*, *мякно*, *село*, *дно*, *чело*, *руно*, *вретено*, *решето*, и не оттянулось на предшествующий закрытый слог: *весло*, *ведро*, *ребро*, *седло*, *число*, *влакно*, *стбло*, *сткло*, *inezdo*. Конечное ударение слова *крило* и акцентуационного варианта *чело* очевидно является результатом аналогического влияния других слов на *-ло*, в которых по причине их фонологической структуры ударение не оттягивалось: *весло*, *седло*, *стбло*, *сткло*, *число*. С другой стороны можно догадываться, что слова *гумно* и *сукно* получили оттянутое ударение по аналогии с другими словами на *-но*, в которых оттягивание является фонетическим: *вино*, *дно*, *руно*, *вретено*.

Исходная подвижность ударения в формах имен существительных типа *C* сохраняется в Люблянской рукописи XVII века, из которой Булаховский приводит следующие пары: *свѣту*, *свѣтъть*, *сѣнове*, *с(ы)нове*, *мѣксѣ*, *мѣксѣте*, *лѣдѣ*, *лѣдѣтъ*, *овце*, *овцѣте*, *дѣскы*, *дѣскѣте*, *носѣ*, *носѣте*, *рѣчи*, *рѣчѣте*, *дѣщере*, *дѣщѣрѣтъ*, *мѣсо*, *мѣсото*, *море*, *морѣте*, *тѣло*, *тѣлото*, *очи*, *очѣте*, *оуши*, *оушѣте*. В этом же памятнике находим форму *влькатого* рядом с нечленной формой

вѣка. Членная форма подтверждает выдвинутую здесь гипотезу об оттягивании ударения с конечного открытого слога. Исходное конечное ударение членной формы согласовывается с акцентуацией членных форм прилагательных типа *С* в словенском языке, например *lahkegà, lahkemì*.

Предложенно здесь оттягивание ударения с конечного открытого слога объясняет и местоименные формы *мене, тебе, себе, него, нему, нея*. По указанию Булаховского, оттянутое в сравнении с русским и другими языками болгарское ударение *то̀го* засвидетельствовано с XII века: *ра̀ба то̀го* в „Одесском Евангелии Григоровича“.⁸ В этом же памятнике имеется ряд примеров подобного ударения и в других местоименных формах: *сѐго, оно̀го, само̀го, у него, нико̀го, то̀му, сѐму, нико̀му, к чьсо̀му, но кому̀ждо*. Ударение не оттягивалось в сочетаниях типа *син ми, син му, мъж ти*, в которых было перенесено с бывшего циркумфлектированного гласного односложных имен существительных мужского рода, ср. *бра̀т ти, зет му*, с бывшим акутированным гласным, не отдавшим ударение энклитической местоименной форме.

5. За последнее десятилетие наши знания об акцентуации среднеболгарских текстов значительно расширились благодаря исследованиям выдающегося советского лингвиста В. А. Дыбо. Как он отмечал, основное различие, проходящее внутри болгарских и, по-видимому, македонских акцентуационных систем связано с тем явлением, которое он называет восточноболгарской рецессией ударения. В опубликованной десять лет тому назад статье он писал: „К моменту фиксации ударения (XIII—XIV вв.) восточноболгарская рецессия ударения была уже, по-видимому, морфонологизована и фонетические границы ее не поддаются установлению. Результатом рецессии явилось почти полное совпадение а. п. *А* и *В* у имен и глаголов в едином неподвижном типе с накоренным ударением (этого совпадения избежали *ā*-основы имен и диалектально аористы глаголов тематического класса).“⁹ Западнболгарские и македонские тексты показывают обычно в именах праславянского типа *В* ударение, тождественное восточноболгарскому, однако в них всегда имеется большее количество вариантов с несдвинутым ударением. Данное отличие не является четким, тем более, что варианты с конечным ударением в ряде слов этого типа изредка встречаются и в восточноболгарских текстах. Возможная локализация акцентуационной системы текста „О письменех“ в Македонии означает более широкое распространение там в прошлом акцентуационных систем восточноболгарского типа.

В опубликованной шесть лет спустя статье Дыбо писал: „В результате ретракции ударения акцентная парадигма *В* в восточноболгарском в массе непроизводных слов совпала с акцентной парадигмой *А*. Однако ретракция имела свои позиции и ограничения, что позволяет в некоторых случаях отличить этот тип от акцентной парадигмы *А*: 1) она, по-видимому, не происходила в суффиксальных словах, если гласным суффикса был *ь* или *ъ*, 2) ударение не передвигалось с конечных долгих (на предшествующий краткий).“¹⁰ Таким образом, Дыбо представляет акцентуационную систему имен мужского рода в восточноболгарских текстах XIII—XIV вв. в следующем несколько идеализованном виде (с прибавленными мною словенскими формами):

⁸ Булаховский 1959: 61.

⁹ Дыбо 1971а: 65.

¹⁰ Дыбо 1977: 191.

ед. ч.	И.	двѡръ	конѣць	kònj	< kònjь
	Р.	двѡра	концá	kónja	< kónjà
	Д.	двѡроу	концоу̑	kónju	< kónjù
	В.	двѡръ	конѣць	kónja	< kónjà
	Т.	двѡромъ	концѣмъ	kónjet	< kónjèть
	М.	двѡрѣ	конци̑	kònju	< kònjù
мн. ч.	И.	двѡри	конци̑	kónji	< kónjì
	Р.	двѡровъ	конѣць	kónj	< kónjь
	Д.	двѡромъ	концѣмъ	kónjet	< kónjèть
	В.	двѡры	конци̑	kónje	< kónjè
	Т.	двѡры		kónji	< kónjì
	М.	двѡрѣхъ	конци̑хъ	kónjih	< kónjihь

Единственными отклонениями в этих парадигмах от ожидаемых на основании сформулированного мною выше закона оттягивания форм являются творительный падеж единственного числа и дательный падеж множественного числа *двѡромъ*, на которые распространилось накоренное ударение других падежей, и местный падеж множественного числа *конци̑хъ*, на который распространилось конечное ударение. В этой связи обращает на себя внимание распространение конечного ударения на творительный падеж единственного числа подвижного акцентуационного типа *С* в восточноболгарских диалектах, например *свѣтомъ*, *чиномъ*. Западноболгарские диалекты сохранили в этой форме накоренное ударение с возможностью перенесения его на проклитику.

6. В словах акцентуационного типа *С* и в *a*-основах акцентуационного типа *В* нет надежных данных о ретракции ударения и можно думать, что в этой группе слов ее вообще не было. По всей вероятности, это распределение объясняется распространившейся на раннем этапе развития болгарского языка долготой в некоторых окончаниях. Первоначально долгими являлись окончания творительного падежа множественного числа *o*-основ *-ы* и родительного падежа единственного числа *a*-основ *-а*, как показывают данные словенского и других славянских языков, например *psi*, *goré*. В именительном падеже единственного числа *a*-основ и в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода встречается как краткость, так и долгота конечного гласного *-a*.¹¹ На болгарской почве долгота, по-видимому, обобщилась в этих окончаниях, так что ударение не оттягивалось.

В глаголе наблюдается перераспределение места ударения по морфологическим категориям.¹² Болгарским формам 2-го и 3-го лица единственного числа аориста *ковá* и *шрá* соответствуют сербские формы с начальным ударением и долгим конечным гласным: *kòvā*, *šrā*. В других классах сохраняется, по-видимому, краткий конечный гласный, и находим согласно ожиданию оттянутое по правилу ударение в восточноболгарских диалектах, например *káza*, *kúni*. Напрашивается гипотеза, что и в этой категории диалектально обобщилась долгота конечного гласного на раннем этапе развития болгарского языка, вследствие чего возникли варианты, сохраняющие конечное ударение:

¹¹ Станг 1957: 37—38, Кортландт 1975: 32.

¹² Ср. Лескин 1899, Станг 1957: 132.

каза, кунѣ. Своеобразное сохранение конечного ударения в аористных формах *може* и *дойде* в некоторых диалектах является аналогическим и объясняется стремлением избежать омонимии с соответствующими формами настоящего времени. Итак, представляется возможным получить удовлетворительное истолкование фактов на основе предположения, что ударение не оттягивалось с конечных долгих гласных.

Лейденский Университет

БИБЛИОГРАФИЯ

- Булаховский Л. А. 1959. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению, Ученые записки Института славяноведения 17, 3—72.
- Булаховский Л. А. 1961. Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы, Исследования по славянскому языкознанию, 235—272, Москва.
- Дыбо В. А. 1962. О реконструкции ударения в праславянском глаголе, Вопросы славянского языкознания 6, 3—27.
- Дыбо В. А. 1968а. Акцентология и словообразование в славянском, Славянское языкознание: VI международный съезд славистов, Доклады советской делегации, 148—224, Москва.
- Дыбо В. А. 1968б. Фрагмент праславянской акцентной системы: Формы-энклимена в аористе и-глаголов, Советское славяноведение, № 6, 66—77.
- Дыбо В. А. 1969. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения, Вопросы языкознания, № 3, 82—101.
- Дыбо В. А. 1971а. К классификации среднеболгарских акцентных систем: Предварительные итоги, Исследования по славянскому языкознанию, 63—70, Москва.
- Дыбо В. А. 1971б. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском, Вопросы языкознания, № 2, 93—114.
- Дыбо В. А. 1973. Материалы по исторической акцентологии болгарского языка: I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII—XIV вв., Известия на Института за български език 22, 151—210.
- Дыбо В. А. 1977. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева-Долобо, Славянское и балканское языкознание: Античная балканистика и сравнительная грамматика, 189—272, Москва.
- Дыбо В. А. 1979. Реконструкция системы акцентных парадигм в праславянском: Конспект, Сборник за филологию и лингвистику 22/I, 37—71.
- Дыбо В. А. 1980. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента, Балто-славянские этноязыковые контакты, 91—150, Москва.
- Kortlandt F.H.H. 1975. Slavic accentuation: A study in relative chronology, Lisse (Peter de Ridder).
- Kortlandt F.H.H. 1978. On the history of Slavic accentuation, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 92, 269—281.
- Leskien A. 1899. Die Betonungstypen des Verbums im Bulgarischen, Archiv für slavische Philologie 21, 1—10.
- Stang C.S. 1957. Slavonic accentuation, Oslo (Universitetsforlaget).

Фредерик Кортландт

УПОРЕДНО-ИСТОРИЈСКИ КОМЕНТАРИ О БУГАРСКОМ НАГЛАСКУ

Резиме

Аутор је предложио следеће хипотезе:

1. У раној етапи развоја бугарског језика нагласак се помакао са крајњег отвореног слога на претходни отворени слог.
2. Нагласак се није помакао са крајњих дугих самогласника.